

Кризис, охвативший наше общество в конце 80-х, повлек за собой кризис в Госоркестре: некоторые музыканты подняли бунт, потребовали сменить дирижера. Евгений Федорович за кресло никогда не держался, и в коллективе воцарился хаос... Сохранить оркестр, вернуть ему статус национального достояния взялся народный артист России Марк ГОРЕНШТЕЙН, ныне главный дирижер и художественный руководитель Государственного академического симфонического оркестра России имени Е.Ф. Светланова. Он оказался единственным человеком, способным справиться с затянувшимся конфликтом. В год 70-летия коллектива и 60-летия самого маэстро с ним встретился корреспондент «Московской среды».

Марк Борисович, помните, когда Минкультуры в первый раз предложило вам возглавить Госоркестр, вы отказались. Почему все-таки ваше назначение состоялось?

– Действительно, в 2000 году я отверг первое предложение. Не мог смириться с ситуацией, при которой музыканты безнаказанно «съели» великого дирижера. Кроме того, считал неприличным идти на подиум, который еще дышал Светлановым. Когда через полтора года, к величайшему сожалению, Евгения Федоровича не стало, последовало второе предложение, на которое я согласился.

Вы возглавили ГАСО в нелегкий период его истории: от некогда прославленного коллектива оставался, по вашему собственному выражению, даже не фундамент – осколки фундамента. Скажите, с чего вы начали возрождение оркестра? У вас был рецепт его спасения?

– Надо было навести порядок, чтобы люди поняли: время митингов, криков, истерик закончилось. Нечистые на руку сотрудники и профнепригодные музыканты должны были уйти. Надо было набрать состав, потому что к моменту моего прихода в оркестре было 25 вакантных мест и вдвое большее количество вакансий в перспективе. Это была программ-минимум.

Самым трудным было заставить музыкантов делать то, что присуще Госоркестру, – хорошо играть. И возвращать репутацию срочно – времени на раскачку не было!

Марк Борисович, вы ощущали груз ответственности, считали себя продолжателем великих традиций? Если да, то в чем вы видите эти традиции?

– За пультом этого оркестра стояли великие дирижеры Гаук, Рахлин, Иванов, Светланов... Эти фамилии знал весь мир, и, конечно, груз ответственности существует. Но традиции... Что такое традиции в музыке? Для меня это вопрос загадочный... Любимый дирижер, приходя главным в оркестр, меняет его звучание. Умер великий Караян, пришел не менее великий, с моей точки зрения, Аббадо – оркестр звучит совершенно иначе. Умер Мравинский, пришел Темирканов – оркестр звучит иначе, чем у Мравинского. Умер Светланов – пришел Горенштейн... Не может оркестр так же звучать – двух одинаковых людей на свете не бывает! Чем отличается один оркестр от другого? Звучком, который присущ дирижеру. У каждого дирижера есть свой звук в руках, и повторять то, что делал Светланов, я не собираюсь, не буду и не могу.

Традиция заключается только в том, что этот оркестр на протяжении почти 70 лет был одним из лучших, если не лучшим, сначала в СССР, потом в России. Вот это традиция, которую надо сохранять. Все остальное – от лукавого.

Чье мнение о вашей работе для вас наиболее ценно?

– Не считайте за нахальство – собственное.

Что ж, еще Пушкин наставлял художника: «Ты сам свой высший суд».

– Абсолютно точно. Даже после самых удачных концертов я не бываю собой доволен. И все же критерий у меня есть – это люди в зале. К их мнению я прислушиваюсь. Те, кто говорят, что публика – дура, сами мало что смыслят.

– Михаил Жванецкий отметил одну из парадоксальных тенденций нашего времени: население России катастрофически сокращается – а население Москвы увеличивается. Вы тоже поучаствовали в этой миграции – правда, в другую эпоху, которую при-

Госоркестр – бренд, которым привыкли гордиться. Носитель великих музыкальных традиций, заложенных А. Гауком, Н. Рахлиным, К. Ивановым. «Музыкальная визитная карточка» страны. Пика формы коллектив достиг при Е.Ф. Светланове – фигуре грандиозного масштаба, олицетворявшей национальную российскую культуру и выражавшей общечеловеческие ценности. Именно Евгений Федорович вывел коллектив в музыкальные лидеры и на лучшие филармонические площадки мира – от Карнеги-холл до венской Музикферайн. С этим оркестром великий музыкант совершил подвижнический труд: создал «Антологию русской симфонической музыки» – более 200 дисков, включающих всю русскую музыку для симфонического оркестра от Глинки до Рахманинова.

Марк ГОРЕНШТЕЙН:

У КАЖДОГО ДИРИЖЕРА ЕСТЬ СВОЙ ЗВУК

нято называть застойной. Скажите, каково тогда было приехать из глубинки в столицу и остаться в ней, не изменив своей профессии, – ведь вы тогда были просто скрипачом?

– Должен сказать, что быть, как вы выразились, «просто скрипачом» тоже немало. В 27 лет я приехал в Москву подышать столичным воздухом. Увидел объявление о конкурсе в ГАСО и загорелся: этот оркестр был розовой мечтой детства. С собой не было ни диплома, ни скрипки – ее прислали потом самолетом. Я рискнул сыграть перед жюри. Когда вы выигрываете конкурс в 60 человек на место, значит, вы что-то умеете в этой жизни?! Светланов сказал: «Берем». Тут-то и выяснилось, что взять меня невозможно. Евгений Федорович предложил приехать еще раз. Я действительно вскоре переехал в Москву, но сначала работал в Большом театре и только через два года опять явился в Госоркестр. С помощью Светланова началась моя дирижерская карьера – он ходатайствовал, чтобы меня приняли в Новосибирскую консерваторию. Он был великий человек, а в дирижировании стал моим крестным отцом. Я буду помнить о нем всегда. Все, что я мог сделать для его памяти, я сделал. И ГАСО присвоили имя Светланова, хотя многие были против.

Говорят, если, поднявшись на подиум, дирижер в первые три секунды не захватит оркестр и не сможет удержать его – он никогда этого не сделает. И никакой дирижерский диплом ему не поможет. Вы помните свои первые три секунды?

– Конечно, помню. Но есть и другое выражение: дирижер только идет по проходу, а оркестр уже знает, кто будет командовать: оркестр дирижером или дирижер оркестром. Дело в том, что дирижер – такая профессия, которая заставляет всю жизнь сдавать экзамен. Вы не можете ошибиться во время репетиции, не говоря уже о концерте. Ес-

ли вы хотя бы раз ошиблись, все ваши благие намерения пойдут прахом. Музыканты твои ошибки помнят годами – я сам был музыкантом, знаю. Нужно постоянно контролировать себя, процесс. Ведь дирижер – еще и дикторская профессия. Эта диктатура может быть мягкой, но обязательно должна присутствовать. За всю свою жизнь я до сих пор не могу забыть.

А я не могу забыть выступление вашего оркестра «Молодая Россия» с Мстиславом Ростроповичем в нижней церкви храма Христа Спасителя. Вы создатель этого замечательного коллектива. Расскажите, как он возник.

– Можно сказать, случайно. В 1992 году, будучи проездом в Москве, я встретил на улице тогдашнего художественного руководителя Московской филармонии Сергея Юрьевича Бодрина. Он-то мне и предложил взяться за коллектив, именованный Государственным симфоническим оркестром для детей и юношества. Тогда он находился в ведении Министерства образования и пребывал в ужасном состоянии: в нем работали музыканты сильно пенсионного возраста, которые постоянно бегали на халтуры. Мне устроили ознакомительный концерт, и я никогда не забуду первой репетиции в помещении Общества слепых.

«Хорошо, что не Общества глухих!» – вырвалась у меня грустная шутка. Я стал отказываться от дальнейших контактов, но тогдашний директор оркестра Этери Владимировна Аддеева начала меня уговаривать что-нибудь придумать, чтобы реанимировать оркестр и возглавить его. Иметь в Москве собственный оркестр – мечта любого дирижера, и я не был исключением. Пришлось изменить статус оркестра на молодежный и все начинать с нуля: было маленькое штатное расписание, низкие тарифные ставки, отсутствовала репетиционная база, пульта, стулья, инструменты...

которую лично вы получили в 2006-м, повлияли на вашу жизнь?

– Грант президента очень помог ГАСО встать на ноги. Я перестал заниматься поиском денег и сосредоточился на созидании оркестра.

Ранее я обращался к министрам Деметривой, Егорову и Швыдкому: если не придумать, как помочь оркестру, оркестрового музыканта мы потеряем навсегда. И если бы указ президента не случился в 2003 году, в 2006-м все наши лучшие музыканты уже давно жили бы за границей.

Как отмечаете 70-летие оркестра и собственное 60-летие?

– Запланировано пять концертов в Большом зале консерватории. Четыре посвящены великим предшественникам на посту главного дирижера и художественного руководителя Госоркестра: основателю коллектива Александру Васильевичу Гауку; уникальному музыканту, прошедшему с оркестром труднейшие годы военного времени, Натану Григорьевичу Рахлину; первому дирижеру, побывавшему с коллективом за пределами нашей страны, Константину Константиновичу Иванову... И, конечно, Евгению Федоровичу Светланову, руководившему коллективом 35 лет. В программах – сочинения, особенно любимые этими выдающимися дирижерами. Гаук оркестровал «Времена года» П.И. Чайковского – и мы исполнили фрагменты цикла. Натан Рахлин, который, работая в Казани, 30 лет назад дал мне возможность проработать впервые симфоническим оркестром, очень любил «Шехеразаду» Римского-Корсакова – и это сочинение прозвучит на концерте 26 декабря в его честь. Лучшей записью Светланова я считаю «Симфонические танцы» Рахманинова, поэтому включил именно это произведение в программу.

Пятый концерт будет посвящен моему 60-летию. Он должен состояться 31 марта. Назвал программу «Музыка на бис».

В этом сезоне в наши программы приглашено рекордное число солистов: практически в каждом концерте по двое. Это связано с тем, что мы хотели дать возможность как можно большему числу наших друзей-музыкантов принять участие в юбилейном сезоне.

Вы не упомянули главный юбилейный концерт ГАСО, состоявшийся в Большом зале консерватории ровно через 70 лет (день в день!) после самого первого концерта Госоркестра...

– Этим выступлением мы отметили дату, к которой наши исполнители уже начали получать звания, чему я несказанно рад. Люди, которые работают честно и заслуживают наград, обязательно должны получать моральное удовлетворение от того, что они делают. Знаки внимания, которые приняты в нашей стране, хотя нигде в мире это не принято, обязательно должны присутствовать. Они дают людям моральную возможность чувствовать себя музыкантами высочайшего класса. У нас за последний год четверо получили звание народных артистов России: концертмейстер оркестра Сергей Гириченко, концертмейстер альтов Георгий Капитонов, концертмейстер контрабасов Рифат Комачков и бас-тромбонист Дмитрий Пигузов. Многие получили звание заслуженных артистов. И впервые в истории ГАСО России зав. постановочной частью Виктор Кочетков и костюмер Лилия Седракина, которые отдали коллективу по 30 лет жизни, получили звание заслуженных работников культуры.

Для меня накануне юбилея стало сюрпризом награждение орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Беседу вела
Елена ЛИТОВЧЕНКО

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ ...Спустя три месяца после возвращения Горенштейна в ГАСО в качестве художественного руководителя оркестр должен был по ранее подписанному контракту поехать на гастроли в Италию. Заключительный концерт проходил в резиденции Папы Римского в Ватикане. Иоанн Павел II на концерте присутствовал, а после концерта благословил маэстро Горенштейна. Быть может, прикосновение святой длани в какой-то мере связано с дальнейшими благотворными переменами в судьбе маэстро и его оркестра? Я пыталась завершить беседу с маэстро этим вопросом. Однако на эту тему Марк Борисович говорит категорически отказавшись, заявив, что у каждого Бог должен быть в душе, и это, с его точки зрения, не может быть темой для обсуждения.